

Генрих

БОРОВИК,

лауреат Государственной премии СССР

Сизиф

или

Прометей?

ДУМАЯ о фильме «XX век», пытаюсь представить, как отреагировали бы на такую идею самые разные люди, с которыми сводила меня стезя журналиста - международного: Хо Ши Мин и Че Гевара, Хемингуэй или Сальвадор Альенде? Как кардинально отличались бы их размышления и оценки от размышлений и оценок моих бывших собеседников иной судьбы, иной «удачи»: отца гитлеровских летающих снарядов, а затем американских атомных ракетоносителей Вернера фон Брауна, фашистского диверсанта, любимца фюрера Отто Скорцени или главы Временного правительства России после Февральской революции 1917 года Александра Керенского?

Но в том-то и дело, что собеседника можно выбрать, а современников не выбирают. Все было бы куда проще, если можно было бы отказаться жить в одно время с Гитлером или Муссолини, Эльзой Кох или Пол Потом, хунвейбинами или мафиози!

Жизнь движется вперед противоречиями, как подчеркивал Владимир Ильич Ленин. И картина эпохи складывается из всех красок, которыми она располагает. Из всех до единой. Однако это вовсе не означает, что в такой картине нет общего колорита, доминирующего тона — серебристо-серого, как у Гойи, золотисто-коричневого, как у Рембрандта, розовато-жемчужного, как у Рубенса.

Творческая неуспокоенность и провидческая интуиция подлинного художника всегда поражают. В разгар битвы с фашизмом советский писатель Всеволод Вишневский в письме к Роману Кармену предлагал подумать о создании фильма «XX век»! И Роман Кармен долгие годы мечтал об этом страстно, с азартом делился своими планами, не раз обсуждал с друзьями, каким должен быть новый фильм...

Далеко не все люди на планете отдадут себе ясный отчет в принципиальной разнице XX века от всех предыдущих. Известный западный политолог-экономист Кеннет Боулдинг убежден, к примеру, что современный мир столь же отличен от мира, в котором он появился на свет, как тот мир отличен от мира Юлия Цезаря. «Я родился как раз где-то посередине всей человеческой истории, — пишет он. — С момента моего рождения произошло всего столько же, сколько произошло до моего появления на свет...»

Соглашаясь с этим, — а не соглашаться нет оснований, — приходишь к выводу, что каждый из нас, сынов и дочерей XX века, — беспримерный исторический долгожитель, а сам век равен половине истории человечества.

Примерно таков был ход наших рассуждений, когда мы определяли

смысловую концепцию будущего сценария фильма, ту основную линию, которая свяжет воедино все ленты и эпизоды, возникая не из деклараций и лозунгов, априорных схем и авторских предвзятостей, а из событий и судеб, динамики и противоречий самой эпохи, где ни убавить, ни прибавить, где есть Октябрьская революция, но есть и Хиросима, и все то, что пролегло между этими полюсами.

Самое главное сегодня — это победа над силами, которые грозят отбросить человека из века космического в век каменный. Или вообще в небытие.

Чтобы бороться с опасностью по-настоящему, в нее надо по-настоящему верить, серьезно осознавать. Нелепо превращать угрозу войны в повод для атомного психоза. Но столь же нелепо, создавая кинопортрет XX века, серьезно размышляя о его судьбах, не показать с предельной наглядностью, что человечество на рас-

путье, что перед ним две дороги. Одна — в небытие, другая — в будущее.

Те многие, кто потерял надежду, сравнивают человечество с Сизифом, который был обречен богами вечно втаскивать на гору огромный камень, заведомо зная, что на вершине горы камень вырвется из рук, рухнет вниз...

Все те, кто не потерял надежду, больше склонны вспоминать иную легенду — о Прометее, о вечном огне познания и добра, который он подарил людям.

Мне думается, что истина лежит где-то посередине. Два мира в XX веке противостоят один другому как никогда яростно. Огонь и камень. Обреченность и свет надежды. Мы — за свет. И за надежду.

Замысел, которым мы воодушевлены, чрезвычайно труден для экранного воплощения — и теоретически, и организационно, и производственно. Но время его пришло.